

Максим Козлов

Психологическая
ловушка

18+

Максим Козлов

Психологическая ловушка

«Автор»

2026

Козлов М.

Психологическая ловушка / М. Козлов — «Автор», 2026

Бывший переговорщик ФСБ Андрей Толин приезжает в элитный загородный клуб, чтобы уладить конфликт между нефтяным магнатом и группой миноритариев. Внезапный взрыв блокирует здание, связь пропадает, а среди заложников оказывается человек, который десять лет назад подставил Толина, разрушил его карьеру и убил напарника. У Толина есть двадцать четыре часа, чтобы освободить людей и найти предателя. Но враг не один. За взрывом стоит сеть генералов, олигархов и политиков — те, кто отдал приказ уничтожить заложников в Казани. Те, кто сделал Толина козлом отпущения. Те, кто продолжает убивать, чтобы сохранить власть. В этой игре нет правил. Каждый может оказаться врагом. Правда стоит дорого. Но Толин заплатит любую цену. Потому что он знает: правда не умирает. Она ждет. И когда приходит время — она выходит наружу. «Психологическая ловушка» — это жесткий триллер о предательстве, мести и силе правды. Для тех, кто верит, что даже в самой темной системе есть место свету.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эспланада	5
Глава 2. Слепой	12
Глава 3. Список	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Козлов

Психологическая ловушка

«Правда не умирает. Она ждет. Пока живут люди. Пока люди помнят. Пока люди борются».

— Андрей Толин, пресс-конференция в Таллине

Глава 1. Эспланада

Дорога была пустой.

Толин ехал быстро. Дворники смахивали мелкий дождь со стекла. Дождь шел с утра, он шел всю ночь. Серая полоса шоссе уходила в серое небо. Машина была старой, но мотор работал ровно. Толин любил когда мотор работает ровно.

Навигатор сказал: два километра.

Он сбросил скорость. Спидометр показывал девяносто, потом восемьдесят, потом шестьдесят.

За десять лет частной жизни он привык к тому что люди платят ему за спокойствие. Они думают что он продает им безопасность. На самом деле он продавал им время. Время за которое можно принять правильное решение. Или сбежать. Или умереть с чувством что ты сделал всё что мог.

Он делал всё что мог десять лет назад. Этого не хватило.

Толин выключил отопление. В салоне стало прохладно. Ему нравился холод. Холод держал в тонусе, не давал глазам слипаться. За три дня он спал десять часов — меньше чем нужно, но достаточно чтобы думать.

Он думал о Березовском. О старом алюминиевом короле который теперь пахнет нефтью. О конфликте который выглядел как конфликт акционеров. О встрече которая должна была быть рутинной. Он не верил в рутину. Рутинка это ловушка для тех кто перестал бояться.

Ворота появились внезапно.

Высокие, кованые, с камерами на столбах. Такие ворота ставят люди которым есть что терять. Или те кто привык отгораживаться от мира. Березовский делал и то и другое.

Охранник подошёл к машине. Он был молодой, с короткой стрижкой и пустым взглядом. Такие взгляды бывают у людей которые никогда не видели настоящей стрельбы. Они думают что знают как это бывает. Они не знают.

— Документы, — сказал охранник.

Толин подал паспорт и приглашение. Охранник смотрел на фотографию, потом на лицо, потом снова на фотографию. Толин ждал. Он умел ждать.

— Откройте багажник.

— Ключи в замке зажигания.

Охранник сделал знак напарнику. Тот обошел машину с зеркалом на длинной ручке. Зеркало скользнуло под днищем, потом открылся багажник. Там была только аптечка, трос и старая куртка.

— Проезжайте, — сказал охранник.

Толин тронулся с места. В зеркале заднего вида он видел как охранник что-то сказал в рацию. Губы двигались, слов не было слышно. Это было неважно. Все слова которые говорят охранники всегда об одном и том же.

Аллея была длинной. Слева газон, справа тоже газон. Каждая травинка на своём месте. Такие газоны стоят дорого, на них нельзя наступать, их нельзя стричь обычной газонокосилкой. Их стригут люди которые умеют стричь такие газоны. За такие деньги люди умеют делать всё.

Здание появилось из тумана.

Тёмный кирпич, стекло, три этажа. Архитектор хотел сказать что-то важное. Толин не любил архитекторов — они всегда хотели что-то сказать. Лучше бы они просто строили прочные здания с хорошими выходами.

Парковка была почти полной.

Толин поставил машину между чёрным «Мерседесом» и белым «Порше». Из «Порше» выходила женщина. Он заметил её потому что она двигалась быстро. Люди которые двигаются быстро обычно или боятся, или опаздывают. Эта женщина не боялась и не опаздывала — она просто не любила терять время.

Она говорила по телефону. Голос был низким. Толин не разобрал слов но уловил интонацию: она говорила с тем кого не уважала. С теми кого не уважают говорят короткими фразами. Она говорила короткими фразами.

Женщина посмотрела на него. Кивнула — один раз, быстро.

Толин кивнул в ответ. Он знал кто это. Коваль, Екатерина Коваль. Миноритарный акционер. В досье было написано что у неё взрывной характер. В досье всегда пишут «взрывной характер» когда не знают что написать. На самом деле у неё был характер человека который привык побеждать. Такие люди опасны, такие люди не умеют отступать.

Он взял портфель с пассажирского сиденья. Портфель был старым, кожа протёрлась на углах. В портфеле лежал ноутбук, папка с документами и фотография. Фотографию он не выкинул — он не мог её выкинуть. Это было слабостью. Толин не любил слабости.

Вышел из машины.

Воздух был сырым, пахло хвоей и мокрой землёй. Толин сделал глубокий вдох. Он любил этот запах. В городе пахло бензином и асфальтом, здесь пахло лесом. Лес не обманывает, лес говорит то что есть. Город всегда врёт.

Вход в здание был стеклянным, двери открывались автоматически. В холле было тепло — слишком тепло. Такая температура расслабляет. Толин не любил когда его расслабляют. Он расстегнул куртку но не снял.

Холл был большим: пол из светлого камня, люстры, ресепшн из тёмного дерева. За ресепшном стоял мужчина в безупречном костюме — сорок пять, волосы зачёсаны назад, улыбка профессиональная. Такие улыбки бывают у управляющих дорогими отелями и у сотрудников похоронных бюро. Разница только в цене.

— Андрей Викторович? — мужчина сделал шаг вперёд. — Илья Верховцев, управляющий. Мы ждали вас.

Рукопожатие было твёрдым — слишком твёрдым. Люди которые жмут руку слишком сильно пытаются доказать свою силу. Те у кого есть настоящая сила не доказывают, они просто держат оружие.

— Березовский на месте? — спросил Толин.

— Вадим Сергеевич будет с минуты на минуту, — Верховцев говорил гладко, слова выходили ровно. — А пока позвольте проводить вас в комнату для переговоров. Кофе, чай, что-то покрепче?

— Вода, без газа.

— Разумеется.

Верховцев повёл его через холл. По пути Толин смотрел по сторонам: две пожарные лестницы, выход в цокольный этаж, окна с бронированными стёклами, камеры в каждом углу. Хорошее место, дорогое, но хорошее. В таких местах трудно устроить засаду — но можно.

В комнате для переговоров было светло: большой стол из тёмного дерева, десять кресел с высокой спинкой, проектор, доска. На столе бутылки с водой, стаканы, папки — всё разложено идеально. Толин сел у окна. Отсюда была видна парковка и часть аллеи. Он всегда садился так чтобы видеть выход.

— Участники уже в сборе? — спросил он.

— Почти все, — Верховцев достал телефон, посмотрел на экран. — Коваль на месте, Менжинский подъедет через пятнадцать минут, Кузьмин уже здесь.

— Кузьмин здесь?

— Депутат Кузьмин, — Верховцев произнёс это так будто имя должно было что-то значить. — Вадим Сергеевич настоял на его присутствии как независимого наблюдателя.

Толин знал Кузьмина, все знали Кузьмина. Депутат Госдумы, председатель комитета по природным ресурсам, человек Березовского. В досье было написано: «Связан, компрометирующие материалы есть». В досье всегда пишут «компрометирующие материалы есть» когда человек делает то что ему говорят. Кузьмин делал то что говорил Березовский, это было понятно без досье.

— А что насчёт охраны? — спросил Толин. — Сколько человек?

— Внутренний периметр шесть, наружный четверо, плюс личная охрана Вадима Сергеевича — ещё трое.

— Много.

— Мероприятие высокого уровня, — Верховцев улыбнулся. — Вы же понимаете.

Толин понимал. Он понимал слишком много. Иногда это мешало жить.

В дверь постучали. Вошла девушка с подносом — тонкая, светлые волосы собраны в пучок. Она поставила перед Толиным стакан воды и хотела уйти.

— Как вас зовут? — спросил Толин.

Девушка посмотрела на Верховцева, тот кивнул.

— Лена, — сказала она тихо.

— Лена, вы сегодня работаете одна?

— Нет, ещё Марина. Но она ушла в кладовую.

— В кладовую?

— За расходниками, бумага закончилась.

— Где кладовая?

Девушка показала рукой:

— В цокольном этаже, рядом с техническим помещением.

— Спасибо, Лена.

Она вышла. Верховцев смотрел на Толина с лёгким недоумением.

— Вы всегда так внимательны к персоналу?

— Я всегда внимателен ко всем, — сказал Толин. — Это моя работа.

Отпил воды. Вода была холодной, хорошей — такая вода бывает только из артезианских скважин. У Березовского была своя скважина, это многое говорило о человеке.

— Илья, — сказал Толин, — сколько людей сейчас в здании?

Верховцев задумался:

— Гости... около двадцати, плюс персонал, плюс охрана. Сорок пять-пятьдесят.

— Точно?

— Я могу уточнить.

— Уточните. И дайте мне список со всеми: гости, персонал, охрана. Фамилии, имена, должности.

Верховцев поднял бровь:

— Это стандартная процедура?

— Это моя процедура, — Толин посмотрел ему в глаза. — Если вы хотите чтобы я работал здесь, я буду работать по-своему. Или я уезжаю, а вы объясняете Березовскому почему его встреча сорвалась.

Верховцев помолчал, потом кивнул:

— Список будет через десять минут.

Он вышел. Толин остался один.

Снова посмотрел в окно. На парковке появилась новая машина — чёрный «Ленд Ровер». Из неё вышел мужчина в длинном пальто: высокий, худой, движения плавные, почти кошачьи. Толин узнал его по походке — Менжинский, IT-миллиардер, один из миноритариев. В досье было написано: «Умен, холоден, связи в правительстве». Толин не любил таких людей — они всегда просчитывают всё на три шага вперёд. С ними трудно работать, с ними трудно жить.

Менжинский вошёл в здание. Через минуту Толин услышал его голос в коридоре — тихий, мягкий. Такие голоса бывают у людей которые умеют убивать словами. Словами убивать проще чем пулями. Пули оставляют улики, слова нет.

Верховцев вернулся с распечаткой: три листа, мелкий шрифт.

— Список, всего сорок семь человек.

Толин взял листы, начал читать. Фамилии, имена, напротив каждой — должность, время прибытия. Персонал: Лена Морозова, официантка; Марина Соболева, официантка; Сергей Громов, начальник службы безопасности...

Дочитал до конца, потом перечитал ещё раз.

Сорок семь имён, сорок семь человек. Один из них был не тем кем казался.

Толин не знал этого — он чувствовал. Так же как чувствовал давление между лопаток по дороге сюда. Как чувствовал что рукопожатие Верховцева было слишком твёрдым. Как чувствовал что Лена смотрела на Верховцева прежде чем ответить на простой вопрос.

Что-то было не так.

Он положил список на стол.

— Где сейчас Березовский?

— В своём кабинете, на втором этаже.

— Он знает что я здесь?

— Да, я доложил.

— Хорошо, я поднимусь к нему до начала встречи.

Толин встал, взял портфель. Список оставил на столе — он запомнил имена. Он всегда запоминал имена, это тоже было частью работы.

В коридоре было тихо, ковровые дорожки гасили звук шагов. Стены были увешаны картинами — дорогие, безвкусные. Толин прошёл мимо пожарной лестницы, мимо двух дверей с табличками «Службное помещение». На лестнице ведущей на второй этаж стоял охранник — крупный, с бритым черепом, в ухе гарнитура.

— Мне к Березовскому, — сказал Толин.

— Оружие есть?

— Нет.

Охранник провёл ручным сканером, прибор молчал. Толин не носил оружие уже десять лет. Он не любил оружие — оружие создаёт иллюзию контроля, а иллюзии опасны.

— Проходите, вторая дверь налево.

Кабинет Березовского был большим: стол, кресла, бар. На стене икона — старая. Толин не разбирался в иконах но эта явно стоила дорого. Березовский сидел в кресле у окна, ему было за шестьдесят. Лицо одутловатое, мешки под глазами, но взгляд цепкий. Такой взгляд бывает у людей которые много раз начинали с нуля.

— Толин, — сказал Березовский без приветствия. — Давно не виделись.

— Пять лет, на похоронах Гуцериева.

— Да, хоронили хорошо, — Березовский кивнул на кресло напротив. — Садись. Водки будешь?

— Не пью.

— Правильно, я тоже перестал. Врачи запретили. — Он усмехнулся. — А ты всё такой же: серьёзный, собранный, как штык.

— Работа такая.

— Работа, — Березовский повторил слово словно пробуя на вкус. — Ты знаешь почему я тебя позвал?

— Разрулить конфликт с миноритариями.

— Разрулить, — Березовский усмехнулся. — Это она тебе сказала? Коваль?

— Я читал документы.

— Документы, — Березовский достал сигару, не закурил, покрутил в пальцах. — Толин, ты умный человек. Скажи мне: ты веришь в то что это просто конфликт акционеров?

Толин молчал, он ждал. Березовский хотел сказать что-то ещё. И он сказал.

— Это не конфликт, Толин. Это война. И я проигрываю. — Он положил сигару. — Кто-то сливает информацию конкурентам, срывает сделки, перекупает моих людей. Уже три контракта ушли из-под носа. А сегодня... сегодня должно было случиться что-то ещё.

— Что именно?

— Не знаю, — Березовский посмотрел на икону. — Но я чувствую. Чувствую как тогда, в девяносто первом. Когда воздух пахнет кровью а ты не знаешь откуда придёт удар.

Толин слушал. Березовский не был параноиком — он был хищником. Хищники чувствуют опасность раньше чем она появляется. Если Березовский говорил что воздух пахнет кровью — значит кровь уже пролилась. Или прольётся сегодня.

— У вас есть подозрения? — спросил Толин.

— У меня есть чутьё. — Березовский наклонился вперёд. — Кто-то из моих. Свой. Человек которому я доверял. Кто-то кто знает всё: мои слабые места, мои деньги, моих людей.

— И вы хотите чтобы я нашёл его.

— Я хочу чтобы ты был рядом сегодня. Смотрел, слушал. И если что-то пойдёт не так... — Березовский замолчал.

— Если что-то пойдёт не так, я буду делать свою работу, — сказал Толин.

— Какую? Переговоры?

— Любые. Я работаю с людьми — с живыми и с мёртвыми. Разницы нет.

Березовский смотрел на него долго, потом кивнул:

— Хорошо. Иди. Встреча через час, я спущусь.

Толин встал. У двери обернулся:

— Вадим Сергеевич, скажите вашим охранникам чтобы проверили цокольный этаж.

— Что там?

— Официантка сказала что пошла в кладовую. Не вернулась.

Березовский нахмурился, потом взял телефон.

Толин вышел в коридор.

Он спустился на первый этаж. В холле было больше людей чем раньше: Коваль разговаривала с Менжинским, Кузьмин стоял у окна с бокалом в руке, несколько человек в дорогих костюмах толпились у бара.

Толин прошёл мимо. Он направился к пожарной лестнице — хотел проверить выходы. Это была привычка: в любой новой точке он всегда проверял выходы. Три пути отхода, минимум. Если их нет, он их создавал.

Он открыл дверь на лестницу. Ступени уходили вверх и вниз, внизу было темно — горела только аварийная подсветка.

Толин сделал шаг вниз.

В этот момент здание вздрогнуло.

Звук был глухим, тяжёлым. Такой звук бывает когда взрывается бетон. Толин почувствовал как пол уходит из-под ног, успел схватиться за перила. Сверху что-то упало, лампочка в аварийном светильнике мигнула и погасла.

Стало темно.

Тишина длилась три секунды. Потом сработала пожарная сигнализация, свет включился снова — аварийное освещение, тусклое, оранжевое.

Толин стоял на лестнице сжимая перила. В голове щёлкали расчёты: мощность, эпицентр, вероятный урон.

Взрыв был снизу, со стороны цокольного этажа.

Он достал телефон. Связи не было.

Толин выбежал в холл. Там было хаотично: люди кричали, кто-то упал, осколки стекла хрустели под ногами. Главный вход был разрушен — двери выбиты, бетонная крошка покрывала пол.

Он увидел Верховцева — тот стоял у ресепшна, бледный, с трясущимися руками.

— Что случилось? — закричал Толин пробиваясь к нему.

— Я не знаю... Взрыв... В цоколе...

— Выходы! Есть другие выходы?

Верховцев открыл рот, не ответил.

Толин развернулся и побежал к запасному выходу который видел раньше. Дверь была заперта. Он дёрнул ручку — бесполезно. Ударил по двери плечом, дерево треснуло но не поддалось. За ней что-то было, что-то тяжёлое.

Отошёл, огляделся.

В холле нарастала паника. Кто-то кричал что здание заблокировано, кто-то пытался пробиться к разбитому главному входу но там была груда бетона и арматуры.

Толин увидел Коваль — она стояла у стены, спокойная, смотрела на разрушения холодными глазами. Менжинский рядом с ней что-то говорил, но слов не было слышно за сигнализацией.

Кузьмин лежал на полу. Его кто-то накрыл пиджаком, кровь растекалась по светлому камню.

Толин перевёл дыхание. Мысли выстроились в линию.

Взрыв в цоколе. Блокировка выходов. Сорок семь человек. Отсутствие связи.

Это не был случайный теракт. Это была операция — чистая, профессиональная.

Кто-то в этом здании знал что произойдёт. Кто-то ждал этого.

И кто-то ждал его, Толина.

Он сунул руку во внутренний карман куртки. Там лежала фотография — та самая. Он не выбросил её десять лет назад. Теперь он знал зачем.

Толин посмотрел на людей в холле: на испуганные лица, на дорогие костюмы, на охранников растерянно озирающихся по сторонам.

Одному из этих людей он доверял когда-то свою спину.

Этот человек подставил его, уничтожил его карьеру, убил его напарника.

И теперь этот человек был здесь, среди сорока семи.

Толин сжал зубы. У него было двадцать четыре часа, может быть меньше.

Он должен был освободить людей. И найти врага.

Но сначала нужно было взять себя в руки. Холодный ум, сухой расчёт. Без этого он был просто мертвецом.

Толин сделал глубокий вдох, выдохнул.

Потом пошёл к людям. Начиналась его работа.

Сигнализация выла как раненый зверь, но он уже не слышал её. Он слышал только свой голос внутри — тот самый голос который спас его сотни раз.

Голос говорил: «Спокойно. Ты знаешь этого человека, ты знаешь как он думает. Он допустит ошибку. Они всегда допускают ошибки».

Толин не знал кто из этих сорока семи был кротом. Но он знал одно.

До конца этого дня доживут не все.

Глава 2. Слепой

Сигнализацию отключили через семь минут.

Семь минут — это много. За семь минут можно умереть, или убить, или принять решение которое спасёт жизнь. Толин сделал все три вещи. Он не умер, он не убил, он принял решение.

Решение было простым: взять управление.

В холле было тридцать человек. Остальные семнадцать были в других частях здания. Толин насчитал их когда люди выбежали из коридоров после взрыва. Счёт был автоматическим, как дыхание.

Он нашёл Громова — начальника службы безопасности. Тот стоял у ресепшна и пытался дозвониться по радиии. Рация не работала. Глушилка — мощная, профессиональная.

— Громов, — сказал Толин. — Сколько ваших людей в здании?

Громов был крепким, лет сорока, короткая стрижка, шрам на скуле. Такие шрамы оставляют осколки. Громов видел войну, Толин понял это сразу.

— Шесть человек внутреннего периметра. Четверо наружного — они снаружи, связи с ними нет. Плюс трое личной охраны Березовского.

— Где Березовский?

— На втором этаже, в кабинете. Мои люди с ним.

— Он жив?

— Не знаю, связи нет.

Толин посмотрел на лестницу. Она была цела. Взрыв в цоколе не разрушил несущие конструкции — это было сделано умно. Достаточно шума чтобы посеять панику, достаточно разрушений чтобы заблокировать выходы, но не достаточно чтобы обрушить здание.

Кто-то хотел чтобы здание стояло. Чтобы люди внутри остались живы. Чтобы игра продолжалась.

— Соберите своих людей, — сказал Толин. — Проверьте каждый этаж, каждую комнату. Найдите раненых, доложите мне.

— Кому докладывать? — Громов смотрел холодно. Он не привык принимать приказы от посторонних.

— Докладывайте Верховцеву, он передаст мне.

Толин сказал это специально. Верховцев был управляющим, формально он был главный. Толин не хотел тратить время на борьбу за власть — пусть Верховцев думает что управляет. Это было неважно, важно было получить информацию.

Громов кивнул и ушёл.

Толин нашёл Верховцева. Тот сидел в углу холла прижимая к лицу мокрый платок. Кровь шла из носа — не опасно, просто страшно.

— Илья, — Толин присел на корточки. — Слушайте меня. Здание заблокировано, связи нет. Мы не знаем кто это сделал и зачем. Но я знаю одно: у нас мало времени.

— Что нам делать? — голос Верховцева дрожал.

— Первое: успокойте людей. Скажите им что всё под контролем, даже если это не так. Второе: дайте мне комнату, техническое помещение — где есть стационарная связь если она ещё работает.

— В цоколе... но там взрыв...

— Значит другое помещение. Где есть телефонная линия — не сотовая, проводная.

Верховцев подумал:

— На втором этаже, у Березовского. Отдельная линия, правительственная связь.

— Хорошо. Третье: соберите всех в холле, всех кто может передвигаться. Я хочу видеть каждого.

— Зачем?

— Я должен знать кто здесь.

Верховцев хотел спросить ещё что-то, Толин не дал.

— Делайте, Илья. Время идёт.

Встал и пошёл к лестнице.

На втором этаже было тихо. Свет горел не везде, коридор уходил в темноту. Толин шёл медленно, держась стены. В кармане лежал старый перочинный нож — не оружие, инструмент. Но лучше чем ничего.

Дверь в кабинет Березовского была закрыта. Толин постучал.

— Кто? — голос изнутри, чужой.

— Толин, медиатор.

Дверь открыл охранник: молодой, напуганный. За его спиной Толин увидел ещё двоих. Березовский сидел в кресле — живой, целый.

— Андрей, — Березовский поднял голову. Глаза были красные, не от слёз — от бешенства. — Что происходит?

— Взрыв в цокольном этаже. Выходы заблокированы, связь глушат.

— Кто?

— Не знаю.

Березовский стукнул кулаком по подлокотнику:

— Я знаю. Это они — миноритарии, Коваль, Менжинский. Они хотят меня...

— Нет, — перебил Толин. — Не они.

— Почему вы так уверены? — Березовский прищурился.

— Потому что они внутри, вместе с вами. Взрыв блокировал всех. Зачем им держать себя в заложниках?

Березовский замолчал, обдумывал. Он был умён — в ярости это забывалось, но ум оставался.

— Что вы предлагаете?

— Я хочу использовать вашу линию связи, правительственную.

— Она не работает, — Березовский показал на телефон на столе. — Я пробовал, мёртво.

Толин подошёл к столу, снял трубку. Тишина — не гудки, не шипение, абсолютная тишина. Линия была физически перерезана или заблокирована на распределительном щите.

— Где электрощитовая?

— В цоколе, — сказал охранник.

Толин кивнул. Цоколь — туда где был взрыв. Кто-то всё продумал.

— Тогда у нас только один вариант, — он повернулся к Березовскому. — Ждать и работать с теми кто внутри.

— Работать? Как?

— Как я умею: разговаривать, наблюдать, ждать пока кто-то ошибётся.

Он вышел из кабинета. На лестнице встретил Громова.

— Докладывайте, — сказал Толин.

Громов говорил коротко, по-военному:

— Первый этаж: холл разрушен частично, главный вход заблокирован бетонными блоками, запасной выход забаррикадирован снаружи — кто-то подпёр дверь грузовиком. Окна бронированные, не выбить.

— Второй этаж.

— Чисто, все помещения осмотрены, посторонних нет. Окна такие же, броня.

— Цоколь.

— Туда не спуститься. Лестница завалена, оттуда дым. Пахнет горелой проводкой и... — он запнулся.

— И что?

— И кровью. Свежей.

Толин помолчал.

— Раненые?

— Двое. Кузьмин — осколок в спину, жить будет но нужен врач. Ещё одна официантка, Лена — сильный ушиб головы, без сознания.

— Марина? Вторая официантка?

Громов посмотрел на него:

— Откуда вы знаете?

— Я спрашиваю. Она где?

— Не нашли. Она была в цоколе, в кладовой. Когда рвануло...

Он не договорил. Толин понял.

— Ищите. Пока не найдёте тело — она жива.

— Слушаюсь.

Громов ушёл. Толин остался на лестнице и закрыл глаза.

Он прокручивал в голове список: сорок семь человек. Минус двое раненых, минус одна пропавшая — сорок четыре. Из них персонал, охрана, гости. И один — тот кто всё это устроил.

Крот.

Толин думал о Казани, десять лет назад. Операция по освобождению заложников — террористы захватили школу. Толин был переговорщиком, он вёл диалог три дня. На четвёртый день всё пошло прахом.

Кто-то слил информацию: позиции штурмовой группы, коды доступа, имена оперативников. Террористы узнали всё. Они убили троих заложников и напарника Толина — Костю Горелова.

Косте пуля вошла под бронежилет, снизу. Только свой мог знать что бронежилет не прикрывает пах. Свой — тот кто работал рядом, тот кому доверяли.

Толина уволили. Формулировка была красивой: «За превышение должностных полномочий, приведшее к гибели сотрудников». На самом деле это было «по недоверию». Кто-то наверху решил что Толин слабое звено, что он допустил утечку, что он предатель.

Он не был предателем. Но он не смог доказать обратное. Дело закрыли, друзей не осталось — только фотография в портфеле и шрам над бровью.

Теперь этот кто-то был здесь, снова.

Толин открыл глаза и спустился в холл.

Верховцев сделал свою работу. Люди сидели на стульях расставленных полукругом. Кто-то плакал, кто-то молчал. Коваль стояла у стены скрестив руки, Менжинский сидел рядом с ней и смотрел в потолок.

Толин вышел в центр. Говорил негромко — так чтобы слышали все, но не кричал.

— Меня зовут Андрей Толин, я специалист по урегулированию конфликтов. То что произошло — не случайность. Здание блокировано, связи нет, выходов нет. Я не знаю кто это сделал и зачем, но я знаю что делать.

Люди смотрели на него. В глазах был страх и надежда. Надежда хуже страха — страх заставляет действовать, надежда заставляет ждать.

— Я прошу вас соблюдать три правила. Первое: не покидать холл без моего разрешения. Второе: сообщать мне обо всём что покажется вам необычным. Третье: не пытаться геройствовать. Это моя работа, я справлюсь.

— А если не справитесь? — спросил кто-то из угла.

Толин посмотрел на говорившего. Мужчина лет пятидесяти в дорогом костюме с запонками из белого золота. Лицо было знакомым, Толин вспомнил: Вайнштейн, нефтетрейдер. В досье было написано «Склонен к панике».

— Если я не справлюсь, — сказал Толин, — вы ничего не потеряете. Вы уже потеряли связь с внешним миром, хуже не будет.

Вайнштейн замолчал.

Толин повернулся к Верховцеву:

— Проведите поименную переключку. Я хочу убедиться что все на месте.

Переключка заняла пятнадцать минут. Верховцев называл имя, человек отзывался, Толин запоминал лицо. Сорок четыре человека в холле. Плюс Березовский и двое раненых наверху. Плюс пропавшая официантка. Сорок восемь. На одного больше чем в списке.

Он пересчитал: сорок четыре в холле, Березовский, Кузьмин, Лена, Марина. Сорок восемь.

В списке было сорок семь.

— Илья, — Толин подошёл к Верховцеву. — В вашем списке сорок семь человек. Я насчитал сорок восемь. Откуда лишний?

Верховцев побледнел:

— Этого не может быть, я лично составлял список.

— Значит кто-то проник в здание до взрыва. Или кто-то из ваших людей не внесён в список.

— Но это невозможно, у нас строгая пропускная система.

— Пропускная система не работает когда пропускают своих.

Толин отошёл. Он смотрел на лица — сорок четыре лица. За каждым была история, за одним — ложь.

Коваль поймала его взгляд и подошла.

— Вы ведёте себя как следователь, — сказала она. Голос низкий, спокойный. — А не как медиатор.

— Следователь ищет виновных, я ищу выход.

— Вы думаете виновный среди нас.

— Я думаю что среди нас есть человек который знает больше чем говорит.

Коваль посмотрела на него долго, потом сказала:

— Я хочу вам кое-что показать.

Она повернулась и пошла к выходу из холла. Толин пошёл за ней. Она привела его в женский туалет на первом этаже и остановилась у последней кабинки.

— Посмотрите.

Толин открыл дверь. На полу лежала женская сумочка — дорогая, итальянская кожа. Рядом разбитый телефон.

— Чья?

— Не знаю. Я нашла это когда искала аптечку. Но сумочка не моя, и не Лены — у Лены дешёвая сумка из кожзама.

— Откуда вы знаете?

— Я заметила. Я замечаю такие вещи, — Коваль скрестила руки. — У нас в бизнесе важно знать с кем имеешь дело. Сумка, часы, обувь — это маркеры статуса. Эта сумка стоит три тысячи евро. У нас в здании не так много женщин которые могут себе это позволить.

— Вы можете.

— Могу. Но это не моя.

Толин присел на корточки, осмотрел сумку не прикасаясь. Потом достал из кармана ручку и осторожно открыл застёжку. Внутри косметичка, ключи, паспорт.

Он открыл паспорт.

Фотография. Женщина, блондинка, глаза голубые, красивая. Фамилия: Соболева Марина Андреевна. Та самая официантка которая пошла в кладовую и не вернулась.

Толин закрыл паспорт:

— Странно. Официантка с сумкой за три тысячи евро.

— Не странно, — сказала Коваль. — Это значит что она не официантка.

Толин поднял голову и посмотрел на неё. Коваль смотрела спокойно — не боялась, не паниковала. Просто констатировала факт.

— Вы знали что она не официантка? — спросил он.

— Я знала что она не из персонала. Я видела её утром, она разговаривала с Менжинским. Не как официантка с гостем — как равные.

— И вы не сказали Верховцеву?

— А зачем? Это не мое дело. Я здесь для переговоров, а не для проверки паспортного режима.

Толин встал:

— Теперь это ваше дело. Потому что вы здесь, и выхода нет.

Он вышел из туалета и пошёл искать Громова.

Нашёл его у запасного выхода. Громов стоял у двери и слушал — с той стороны доносился глухой звук, кто-то пытался открыть дверь снаружи.

— Наши? — спросил Толин.

— Не знаю. Может наружная охрана, а может те кто это сделал.

— Не открывайте.

— Я и не собирался.

Толин рассказал о сумке, о Соболевой, о том что Коваль видела её с Менжинским. Громов слушал молча, потом сказал:

— Я проверил цоколь, насколько смог. Лестница завалена, но я пробрался через вентиляционную шахту.

— И что?

— Там труп. Женщина, блондинка. Лицо не видно — завалило бетонной плитой, но волосы светлые. И форма официантки.

— Марина?

— Скорее всего.

— Вы уверены?

— В том что она мертва — да. В том что это Марина — не уверен, лица не видно.

Толин задумался. Если в цоколе труп в форме официантки, а сумка официантки найдена в туалете — значит кто-то хотел чтобы тело опознали. Или кто-то хотел чтобы думали что официантка мертва.

— Громов, сколько у вас людей?

— Четверо. Остальные двое ранены легко, но работать могут.

— Разделите их. Один пусть следит за холлом — запоминает кто куда ходит. Второй пусть проверит каждый этаж, каждый шкаф, каждую комнату. Я хочу знать есть ли в здании кто-то кого нет в списке.

— А третий?

— Третий пусть найдёт мне схему здания: все коммуникации, вентиляцию, трубы, кабельные каналы. Кто-то проник сюда — значит есть путь.

Громов кивнул и ушёл.

Толин вернулся в холл.

Люди сидели тихо. Страх прошёл первую стадию — панику, начиналась вторая: оцепенение. Это было опасно. Оцепеневшие люди не думают, они ждут что кто-то придёт и спасёт их. Но никто не придёт. Спасти их мог только он.

Толин подошёл к Менжинскому.

Миллиардер сидел в кресле сложив руки на коленях — спокойный, слишком спокойный. Такое спокойствие бывает у людей которые знают что происходит. Или у людей которым нечего терять.

— Максим Львович, — сказал Толин. — Можно вас на пару слов?

Менжинский поднял глаза: серые, холодные.

— Слушаю.

— Вы знакомы с Мариной Соболевой?

— С кем?

— С официанткой. Блондинка, голубые глаза.

Менжинский помолчал, потом сказал:

— Я не запоминаю имена официантов.

— А она запомнила вас. Коваль видела как вы разговаривали сегодня утром — не как официантка с гостем, как равные.

Менжинский посмотрел на Коваль. Та не отвела взгляд.

— Мы обменялись парой фраз, — сказал Менжинский. — Она спросила не нужно ли мне помочь с багажом. Я отказался. Всё.

— Она спросила про багаж? В клубе где нет багажа? Гости приезжают без вещей.

Менжинский пожал плечами:

— Я не анализирую слова официантов. Это ваша работа.

Толин смотрел на него. Менжинский не врал — по крайней мере не врал явно. Но он что-то скрывал, Толин чувствовал это. Давление между лопаток усилилось.

— Где вы были когда произошёл взрыв? — спросил Толин.

— В холле, с Коваль. Можете спросить у неё.

— Это правда? — Толин повернулся к Коваль.

— Да, мы стояли у бара, говорили о сделке.

— О той самой сделке из-за которой сегодня переговоры?

— Да.

— И о чём вы говорили?

— О том что Березовский жадный старик который не умеет делиться, — сказала Коваль.

— Это вас устраивает?

Толин не ответил, отошёл.

Сорок четыре человека. Плюс Березовский. Плюс раненые. Плюс труп в цоколе. Сорок восемь. Кто-то лишний или кто-то недостающий.

Он нашёл Верховцева:

— Илья, проверьте список. У вас должны быть фотографии всех сотрудников — пропускная система значит есть база.

— Есть, на компьютере в моём кабинете.

— Идите, посмотрите фото Соболевой. Сравните с тем что вы видели сегодня.

Верховцев ушёл и вернулся через десять минут. Лицо было белым.

— Это не она.

— Кто?

— Соболева. Я нашёл её фото — это не та женщина которая сегодня работала. Моя Соболева брюнетка, невысокая, полная. А сегодня была блондинка, высокая, худая.

Толин кивнул. Картинка складывалась.

— Ваша настоящая Соболева где?

— Не знаю. Может дома, может... — он не договорил.

— Может в цоколе. В форме которую с неё сняли. А блондинка заняла её место.

— Зачем?

— Чтобы быть внутри, чтобы ждать, чтобы знать когда нажать кнопку.

Верховцев схватил его за рукав:

— Вы думаете она жива? Эта женщина, блондинка?

— Думаю да. И она всё ещё здесь.

— Но мы нашли труп в цоколе...

— Вы нашли тело в форме официантки. Лицо не видно. Это могла быть настоящая Соболева, а могла быть подстава. Пока мы не увидим лицо — мы не знаем.

Толин освободил рукав:

— Илья, слушайте внимательно. Вы будете делать то что я скажу — без вопросов, без паники. Иначе мы все умрём.

Верховцев кивнул. Он был напуган но дисциплинирован — Толин ценил это.

— Первое: соберите всех в холле, всех кто может ходить. Я хочу видеть каждого. Второе: приготовьте фонарики, всё что есть. Если отключат свет — мы не должны сидеть в темноте. Третье: найдите мне аптечку, полную, и человека который умеет делать перевязки.

— Зачем аптечка?

— Потому что будут ещё раненные. Это только начало.

Толин отошёл к окну и посмотрел на парковку. Машины стояли: внедорожник Березовского, «Порше» Коваль, его старенькая «Тойота». Всё на месте, никто не уехал, никто не приехал.

Достал из кармана телефон. Ноль сигнала. Глушилка работала мощно — такие глушилки используют спецслужбы или люди у которых есть доступ к спецслужбам.

Убрал телефон. Достал фотографию, посмотрел на лица. Костя Горелов улыбался — молодой, живой.

— Я найду его, Костя, — сказал Толин тихо. — Обещаю.

Убрал фотографию и вернулся в холл.

Люди сидели тихо, ждали. Толин прошёлся взглядом по лицам: Коваль, Менжинский, Вайнштейн, Громов, Верховцев, охранники, персонал. Лица, лица, лица.

За одним из этих лиц прятался убийца.

Толин знал что тот допустит ошибку. Все допускают ошибки, нужно только время и терпение. Время у него было — двадцать четыре часа, может меньше. Терпения у него было больше — десять лет он ждал этого момента.

Подошёл к столу где лежал список, взял ручку. Напротив каждой фамилии поставил точку. Сорок семь точек, одна из них была ложной.

Толин обвёл её кружком — мысленно, пока не знал какую.

Но он узнает. Он всегда узнавал.

Сигнализация молчала. В холле было тихо — только дыхание сорока четырёх человек и тиканье часов на стене. Часы показывали полдень.

Двадцать четыре часа. Меньше.

Толин сел на стул у стены и закрыл глаза. Он не спал — он слушал, ждал, дышал ровно.

Где-то в здании скрипнула дверь. Кто-то прошёл по коридору — шаги были мягкими, осторожными, не похожими на шаги перепуганного человека.

Толин открыл глаза.

Игра началась.

Глава 3. Список

Часы на стене показывали двенадцать тридцать семь. Толин сидел на стуле у стены уже полчаса. Он не спал. Он слушал. В холле было тихо. Слишком тихо для сорока четырех человек. Страх приглушал голоса. Люди говорили шёпотом или молчали. Он открыл глаза и поднялся. Громов стоял у входа в коридор. Ждал. В руке у него была планшетка с принтом. — Нашёл схему, — сказал Громов тихо. — И кое-что ещё. Толин подошёл. Громов развернул планшетку. На схеме было три этажа, цоколь и подвал. Толстые линии — несущие стены. Тонкие — перегородки. Пунктир — коммуникации. — Вентиляция идёт вертикально, — показывал Громов. — Из цоколя на крышу. Шахты широкие. Человек пролезет. Но там решётки. Сварные. — Кто их ставил? — Я. Четыре года назад. По распоряжению Березовского. После попытки проникновения. — Ключи от решёток? — У меня. В сейфе. В моём кабинете. — Сейф цел? — Не знаю. Кабинет на втором этаже. Я не проверял. — Проверьте. И возьмите ключи. Громов кивнул, но не ушёл. — Ещё кое-что. По списку. — Что? — Я перепроверил всех. Персонал. Охрану. Гостей. Сорок семь человек по документам. Но я нашёл одного, кто не проходил через КПП. — Кто? — Водитель Березовского. Михаил Сорокин. Он был в машине. Когда рвануло, он зашёл в здание через цокольный вход. Чтобы узнать, что случилось. Теперь он здесь. — Где он? — В холле. Сидит у окна. Я проверил его документы. Всё чисто. Работает на Березовского семь лет. Но в списке его нет. Он приехал с Березовским, но Верховцев не внёс его в список гостей. — Сорок восемь, — сказал Толин. — Теперь сходится. — Не совсем. Я нашёл ещё одного. Толин посмотрел на Громова. Тот говорил спокойно, но в глазах было напряжение. — У нас есть гость, который не значится в списке Верховцева. Я проверил журнал регистрации на КПП. Там записано сорок семь человек. Но один из гостей приехал не один. — Кто? — Менжинский. Он приехал с водителем и охранником. Охранник остался в машине. Водитель тоже. Но когда началась паника, охранник зашёл в здание. — Где он сейчас? — В холле. Сидит рядом с Менжинским. Крупный мужчина. Лысый. В чёрной куртке. Толин вспомнил. Он видел этого человека, когда входил в холл после взрыва. Лысый. Широкие плечи. Стоял у стены, закрывая Менжинского. Толин тогда подумал, что это охрана Березовского. Ошибся. — Сколько всего человек в здании? — спросил Толин. — Сорок девять. Если считать труп в цоколе. — Труп не считаем. Он не двигается. Нас интересуют живые. Сорок восемь живых. — Да. — Сорок восемь. И среди них — тот, кто это сделал. Толин взял схему. Сложил. Положил в карман куртки. — Громов, вы знаете, кого ищете? — Преступника. — Нет. Вы ищете человека, который выглядит не на своём месте. Кто-то из гостей — не гость. Кто-то из охраны — не охранник. Кто-то из персонала — не персонал. Вы видели войну. Вы знаете, как выглядит человек, который ждёт. Он не суетится. Он не паникует. Он наблюдает. Громов кивнул. — Я знаю. — Найдите мне такого. Громов ушёл. Толин остался в коридоре. Он достал из кармана список. Развернул. Сорок семь имён. Плюс двое — водитель Березовского и охранник Менжинского. Сорок девять. Он перечитал список ещё раз. Список был разделён на три группы. Первая — гости. Двадцать три человека. Березовский, Коваль, Менжинский, Кузьмин, Вайнштейн. Остальные — миноритарии, юристы, консультанты. Люди с деньгами. Люди, которые привыкли, что им подчиняются. Вторая — персонал. Четырнадцать человек. Официанты, повара, уборщицы, администраторы. Те, кто привык подчиняться. Третья — охрана. Десять человек. Шесть внутреннего периметра. Четверо наружного. Плюс трое личной охраны Березовского. Тех, кто должен был защищать. Сорок семь. Плюс двое. Толин смотрел на имена. За каждым именем стоял человек. За каждым человеком — история. За одним из них — ложь. Он начал с персонала. Персонал — самое лёгкое прикрытие. Униформа. Табличка на груди. Никто не смотрит на лица официантов. Они — мебель. Они должны быть невидимыми. Идеальное место для того, кто хочет спрятаться. Ложная Соболева — блондинка, которая заняла место

настоящей официантки. Она была внутри. Она знала, когда нажать кнопку. Но она мертва? Труп в цоколе. Лицо не видно. Может быть, это она. Может быть, нет. Если она жива, она где-то здесь. Сорок восемь живых. Один из них — женщина, которая притворялась официанткой. Но она не может притворяться вечно. Рано или поздно она ошибётся. Или кто-то узнает её. Толин подошёл к холлу. Посмотрел на женщин. Семь женщин в холле. Коваль — в сером костюме. Две официантки — в форме. Три уборщицы — в синих халатах. Одна женщина из гостей — жена Вайнштейна, в дорогом платье. Семь. Плюс одна в цоколе, если она там. Плюс Лена — раненная, на втором этаже. Девять. Ложная Соболева была высокой, худой, блондинкой. Толин окинул взглядом женщин в холле. Ни одна не подходила под описание. Высокая худая блондинка была только Коваль. Но Коваль не была официанткой. Коваль была гостьей. И она не пыталась это скрыть. Значит, ложная Соболева либо мертва, либо не в холле. Толин нашёл Верховцева. Тот сидел за ресепшном, перебирал бумаги. Руки дрожали. — Илья, где могут быть женщины, которых нет в холле? — Лена на втором этаже. В комнате отдыха. Ей делают перевязку. — Ещё кто? — Уборщица Тамара. Она была на третьем этаже, когда рвануло. Мы не нашли её. — Не нашли? — Она не отзывается. Может, испугалась. Спряталась. — Или не может отозваться, — сказал Толин. — Где третий этаж? — Наверху. Там спальни. Тренажёрный зал. Бильярдная. — Кто ещё на третьем этаже? — Никого. Гости не поднимались. Все были внизу. — Вы уверены? — Я не проверял. После взрыва я — Хорошо. Я проверю. Толин пошёл к лестнице. На втором этаже он задержался. Заглянул в комнату отдыха. Лена лежала на диване. Голова перевязана. Рядом сидела повариха — женщина лет пятидесяти, держала тазик с водой. Лена дышала. Жива. — Она в сознании? — спросил Толин. — Нет, — сказала повариха. — Но пульс ровный. — Когда очнётся, скажите ей, чтобы не двигалась. Он поднялся на третий этаж. Здесь было темно. Аварийное освещение не работало. Толин достал телефон. Экран давал немного света. Этого хватило, чтобы видеть коридор. Он шёл медленно. Прислушивался. Тишина. Первая дверь — спальня. Открыта. Внутри пусто. Кровать заправлена. Чемоданов нет. Гости не успели заселиться. Вторая дверь — тренажёрный зал. Беговые дорожки. Штанги. Зеркала. Пусто. Третья дверь — бильярдная. Стол. Кии на стене. Бар. Пусто. Четвёртая дверь — кладовка. Закрыта. Толин дёрнул ручку. Заперто. Он постучал. — Тамара? Вы здесь? Тишина. Он ударил плечом. Дверь треснула, но не поддалась. Ударил ещё раз. Дверь открылась. Внутри было темно. Толин осветил телефоном. На полу лежала женщина. В синем халате. Лицом вниз. Волосы седые. Толин присел. Потрогал шею. Пульса не было. Тело было тёплым. Умерла недавно. Он перевернул женщину. На груди — ножевое ранение. Одно. Точное. Профессиональное. Удар под рёбра, в сердце. Тот, кто это сделал, знал, куда бить. Толин осмотрел кладовку. Ничего. Только коробки с моющими средствами и мёртвая уборщица. Он закрыл глаза. Восстановил картину. Уборщица была на третьем этаже. Взрыв. Она испугалась. Спряталась в кладовку. Кто-то знал, что она здесь. Пришёл. Убил. Зачем? Убивать уборщицу не было смысла. Она ничего не видела. Ничего не знала. Её убили, потому что она была свидетельницей. Она видела кого-то. Или что-то. Толин встал. Вышел из кладовки. Закрыв дверь. На лестнице он остановился. Перевёл дыхание. Сорок семь в списке. Плюс двое. Минус одна. Сорок восемь живых. И один убийца. Он спустился на первый этаж. Подошёл к Громову. — На третьем этаже. Уборщица Тамара. Мертва. Нож в сердце. Громов помрачнел. — Когда? — Недавно. Тело ещё тёплое. Убийца здесь. В холле. Или в коридорах. — Я проверю камеры. — Камеры не работают. Глушилка блокирует и их. — У нас есть автономная система. На батареях. Она не зависит от сети. — Проверьте. Громов ушёл. Толин вернулся в холл. Люди сидели на своих местах. Никто не ушёл. Никто не пришёл. Но кто-то из них двадцать минут назад поднялся на третий этаж и убил женщину. Толин прошёлся по холлу. Смотрел на обувь. На полу было мокро. С улицы наносили дождь. Пол в холле был каменным. На нём оставались следы. Он нашёл следы. Кровавые. Маленькие. Не его. Не Громова. Кровь была на полу у входа в коридор. И на лестнице. И на третьем этаже. Толин присел. Рассмотрел следы. Размер — сорок второй.

Мужской. Рисунок протектора — глубокий, агрессивный. Такие подошвы бывают у армейских ботинок. Или у тактической обуви. Он поднял голову. Посмотрел на ноги людей в холле. У большинства гостей — дорогие туфли. Гладкая подошва. У персонала — дешёвая рабочая обувь. У охраны — берцы. Армейские. Толин начал запоминать. Охранники Березовского — в чёрных берцах. Рисунок протектора — крупная сетка. Громов — в таких же. Охранник Менжинского — лысый, в чёрной куртке — в высоких тактических ботинках. Рисунок протектора — глубокий, агрессивный. Тот самый. Толин подошёл к Менжинскому. Охранник стоял за его спиной. Крупный. Лет тридцати пяти. Короткая стрижка. Челюсть квадратная. Взгляд пустой. Такие взгляды бывают у людей, которые умеют убивать и не чувствовать ничего. — Ваш человек? — спросил Толин у Менжинского. — Мой. Охрана. — Как его зовут? — Дмитрий. — Дмитрий, где вы были двадцать минут назад? Охранник посмотрел на Менжинского. Тот кивнул. — Я был здесь, — голос низкий, спокойный. — Не отходил от Максима Львовича. — Кто-нибудь может это подтвердить? — Я могу, — сказал Менжинский. — Он был рядом. Всё время. — Вы уверены? — Я сидел здесь. Он стоял за моей спиной. Я чувствовал его присутствие. Толин посмотрел на ботинки охранника. Армейские. С глубоким протектором. Размер — примерно сорок второй. — Дмитрий, покажите руки. Охранник протянул руки. Ладони были чистыми. Ногти коротко острижены. Ни крови. Ни царапин. — Вы поднимались на третий этаж после взрыва? — Нет. — Вы видели кого-нибудь, кто поднимался? — Нет. Толин отошёл. Он не верил охраннику. Но у него не было доказательств. Громов вернулся. Лицо было напряжённым. — Камеры не работают. Глушилка блокирует сигнал. Автономная система тоже мертва. — Кто мог отключить? — Тот, кто знает, где блок питания. Это техническое помещение. В цоколе. — Туда не пройти. — Не пройти. Толин отошёл к окну. Смотрел на парковку. Дождь усилился. Капли стекали по бронированному стеклу. Он думал. Убийца — профессионал. Удар ножом точный. Следы на лестнице — его. Но он мог сменить обувь. Мог вытереть кровь. Профессионал не оставляет следов. Эти следы были оставлены намеренно. Чтобы запутать. Чтобы указать на кого-то. На охранника Менжинского. Толин подошёл к Громову. Говорил тихо: — Следы на лестнице. Размер сорок второй. Армейские ботинки. У кого ещё такие? Громов подумал. — У моих людей. У охранников Березовского. У водителя Березовского. У охранника Менжинского. Ещё у Кузьмина, но он ранен. Не мог подняться. — Кузьмин носит армейские ботинки? — Он из военных. Бывший. Привычка. — Кузьмин ранен. Его исключаем. Остальные где были? — Мои люди патрулировали этажи. Кто-то из них мог быть на третьем. — Проверьте. Всех. Кто где был. Кто что видел. Громов ушёл. Толин остался у окна. Он думал о списке. Сорок девять человек. Минус одна убитая. Сорок восемь. Среди них — убийца. И среди них — крот. Тот, кто подставил его десять лет назад. Одно и то же лицо? Или разные? Толин не знал. Но он знал одно: убийца уборщицы был профессионалом. Тот, кто подставил его в Казани, тоже был профессионалом. Оперативник. Свой. Он достал фотографию. Посмотрел на Костю. На себя молодого. На третьего человека. Третьего на фотографии не было. Он держал камеру. Тот, кто сделал этот снимок. Тот, кто был с ними в тот день. Тот, кто предал. Толин убрал фотографию. Вернулся в холл. Люди смотрели на него. Ждали. Он чувствовал их взгляды. Страх. Надежду. Неверие. Он подошёл к Коваль. Та сидела с прямой спиной, руки на коленях. Не плакала. Не дрожала. — Екатерина, я хочу задать вам несколько вопросов. — Задавайте. — Вы знали, что уборщица мертва? Коваль посмотрела на него. Глаза сузились. — Что? — Уборщица Тамара. Убита на третьем этаже. Ножом. — Я не знала. — Голос был ровным. Но Толин заметил, как дрогнули пальцы. — Когда это случилось? — Недавно. В течение последнего часа. — Я была здесь. В холле. Менжинский может подтвердить. — Вы не поднимались на третий этаж? — Нет. Зачем? — Не знаю. Я спрашиваю. Коваль помолчала. Потом сказала: — Вы считаете, что я способна на убийство? — Я считаю, что каждый способен на убийство. При определённых обстоятельствах. — У меня нет причин убивать уборщицу. — У вас есть причины убивать Березовского. Коваль усмехнулась. — Если бы я хотела убить Березовского, я сделала бы это по-

другому. Не в здании, где я сама в ловушке.— Может быть, вы не в ловушке. Может быть, вы знаете выход.— Я не знаю выхода. Я так же заперта здесь, как и вы. Толин смотрел на неё. Она не врала. По крайней мере, в этом.— Кто, по-вашему, это сделал? — спросил он.— Не знаю. Но если вы ищете убийцу, посмотрите на тех, кто не паникует. Паника — это страх. А страх — это правда. Тот, кто не боится, либо глуп, либо знает, что ему ничего не угрожает.— Вы не паникуете.— Я не глупа. И я не знаю, что мне ничего не угрожает. Я просто умею контролировать страх. Толин отошёл. Она была права. Страх был индикатором. Тот, кто не боится, либо герой, либо убийца. Героев в этом зале не было. Он посмотрел на лица. Вайнштейн дрожал. Жена Вайнштейна плакала. Юристы перешёптывались. Персонал жался к стенам. Охранники стояли навытяжку, но глаза бегали. Менжинский сидел спокойно. Слишком спокойно. Охранник за его спиной — тоже. Березовский наверху — злой, но спокойный. Он не боялся. Он был в ярости. Ярость сильнее страха. Водитель Березовского — Сорокин — сидел у окна. Крупный мужчина. Лет сорока. Руки на коленях. Смотрел в пол. Не паниковал. Толин подошёл к нему.— Михаил? — спросил он. Сорокин поднял голову. Лицо простое, крестьянское. Глаза усталые.— Вы водитель Березовского?— Да.— Где вы были, когда произошёл взрыв?— В машине. На парковке. Я услышал взрыв, вышел посмотреть. Увидел, что здание заблокировано. Зашёл через цокольный вход.— Через цокольный?— Да. Там дверь. Техническая. Она не заперта.— Вы прошли через цоколь? Вы видели, что там? Сорокин помрачнел.— Там темно. Дым. Я прошёл быстро. Не смотрел.— Вы видели тело?— Какое тело?— Женщина. В форме официантки. Сорокин покачал головой.— Нет. Я ничего не видел. Я просто прошёл наверх.— Вы кого-нибудь встретили в цоколе?— Нет. Там было пусто.— Вы уверены?— Я прошёл быстро. Я не — он замолчал. Потом сказал: — Я слышал шаги. Сзади. Но не оборачивался.— Шаги? Один человек?— Не знаю. Может, один. Может, несколько. Я испугался. Я просто пошёл наверх.— Вы сказали об этом кому-нибудь?— Нет.— Почему?— Я не думал. Я подумал, что это охрана. Или кто-то из персонала. Толин отошёл. Шаги в цоколе. После взрыва. Кто-то был там, когда Сорокин проходил. Может быть, убийца. Может быть, ложная Соболева. Может быть, оба. Он нашёл Громова.— Цокольный вход. Техническая дверь. Вы знали о ней? Громов кивнул.— Она есть. Но она закрыта изнутри. На засов.— Сорокин прошёл через неё. Значит, засов был открыт.— Не может быть. Я лично проверял все выходы вчера вечером. Цокольная дверь была закрыта.— Значит, кто-то открыл её сегодня. До взрыва. Или после.— После взрыва туда не пройти. Лестница завалена.— Если только он не был уже в цоколе. До взрыва. Громов помолчал.— Вы думаете, что убийца спустился в цоколь до взрыва. Открыл дверь. Потом вернулся наверх.— Или не вернулся. Может быть, он до сих пор там.— В цоколе? Среди обломков?— Если он знал, где будет взрыв, он мог найти безопасное место. Укрытие. Толин подошёл к схеме здания. Нашёл цокольный этаж. Там были кладовые, электрощитовая, насосная, вентиляционная камера. И технический коридор, который вёл к наружной двери. Если кто-то спрятался в цоколе до взрыва, он мог переждать в вентиляционной камере. Стены там толстые. Взрыв бы не убил.— Громов, нам нужно спуститься в цоколь.— Лестница завалена. Не пройти.— Есть другой путь? Вентиляция? Технические шахты?— Есть. Но они узкие. Пролезет только худой человек.— Я пролезу.— Вы? — Громов посмотрел на него. — Вы не худой.— Я пролезу. Покажите где. Громов повёл его в техническое помещение на первом этаже. Там была дверь в вентиляционную шахту. Широкая. Метр на метр. С решёткой.— Здесь, — сказал Громов. — Шахта ведёт вниз. В цоколь. Но там есть заслонки. Некоторые закрыты.— Ключи от решётки?— У меня. Громов открыл замок. Снял решётку. Из шахты потянуло холодным воздухом и запахом гари. Толин заглянул внутрь. Темно. Стены металлические. Внизу — что-то блестит. Вода. Или масло.— Фонарик, — сказал он. Громов дал фонарик. Мощный. Tактический. Толин посветил вниз. Шахта уходила метров на пять. Внизу была площадка. И дверь. Техническая. Ведущая в цоколь.— Я спускаюсь, — сказал Толин.— Я пойду с вами.— Нет. Вы остаётесь здесь. Следите за холлом. Никого не выпускайте. Если кто-то попытается уйти — остановите. Силой. Гро-

мов кивнул. Толин перелез через край. Ухватился за край шахты. Повис на руках. Потом отпустил. Падение было коротким. Он приземлился на площадку. Ноги скользнули по мокрому металлу. Он удержался. Внизу было холодно. Пахло гарью, кровью и чем-то химическим. Толин включил фонарик. Осмотрелся. Площадка была маленькой. Впереди — дверь. Приоткрыта. За ней — темнота. Он достал нож. Раскрыл. Прижался к стене. Толкнул дверь ногой. Дверь открылась с визгом. Толин вошёл в цоколь. Здесь было разрушено. Стены треснули. Провода свисали с потолка. На полу — лужи воды, масла, крови. Он двигался медленно. Светил фонариком по углам. Впереди был коридор. Ведущий к кладовым. Там, где был взрыв. Толин пошёл. Коридор был завален обломками. Он перелезал через бетонные блоки, переступал через арматуру. Фонарик выхватывал из темноты искореженные двери, разбитые трубы. Он нашёл кладовую. Дверь была сорвана с петель. Внутри — хаос. Разбитые коробки. Рассыпанная мука. Осколки стекла. И тело. Женщина лежала на боку. Лицо закрыто плитой. Руки вытянуты. Форма официантки. Волосы светлые. Толин присел. Перевернул плиту. Лицо было разбито. Осколки бетона впились в кожу. Но черты были различимы. Высокие скулы. Тонкие губы. Блондинка. Не та, что на фото настоящей Соболевой. Другая. Ложная Соболева. Толин осмотрел тело. На шее — следы удушения. Тёмные. Пальцы. Кто-то задушил её до взрыва. Потом взорвал здание, чтобы скрыть убийство. Он осветил вокруг. Нашёл сумку. Такую же, как в женском туалете. Дешёвая. Из кожзама. Внутри — паспорт на имя Марины Соболевой. Настоящей. Значит, ложная Соболева взяла сумку настоящей. Чтобы её опознали по вещам. А свою дорожную сумку оставила в туалете. Чтобы нашли. Зачем? Чтобы запутать. Чтобы создать ложный след. Чтобы Толин думал, что ложная Соболева жива и где-то прячется. Но она была мертва. Убита до взрыва. Толин встал. Осмотрел коридор. В дальнем конце была дверь. Техническая. Та самая, через которую прошёл Сорокин. Открыта. Он подошёл к двери. Выглянул наружу. Там была парковка. Пустая. Дождь. И темнота. Кто-то открыл эту дверь до взрыва. Впустил убийцу. Или выпустил. Толин закрыл дверь. Вернулся в коридор. Он прошёл дальше, к электрощитовой. Дверь была закрыта. Он дёрнул — заперто. Ударил ногой. Дверь поддалась. Внутри был распределительный щит. Провода. Автоматы. И человек. Мужчина сидел на корточках у стены. Руки связаны за спиной. Рот заклеен скотчем. Глаза открыты. Живой. Толин подошёл. Сорвал скотч. Мужчина закричал. Глухо. Хрипло. — Тихо, — сказал Толин. — Я здесь, чтобы помочь. Как вас зовут? — Сергей Сергей Громов. Толин замер. — Вы не Громов. Громов наверху. Мужчина замотал головой. — Я Громов. Начальник охраны. Меня связали Утром Взрыв. Толин посмотрел на него. Лицо было похоже на лицо Громова. Те же черты. Та же стрижка. Тот же шрам на скуле. Но Громов был наверху. Он разговаривал с Толиным. Отдавал приказы. Проверял камеры. — Сколько времени вы здесь? — спросил Толин. — С утра Я пришёл проверить щиты. Кто-то ударил сзади. Очнулся — связан. Толин перерезал верёвку. Мужчина встал. Ноги затекли. Он пошатнулся. — Наверху человек, который выдаёт себя за вас, — сказал Толин. — Он знает всё. Схему здания. Ключи. Систему безопасности. — Кто? — Я не знаю. Но он один из вас. Или один из ваших. Толин помог Громову выйти из электрощитовой. Они пошли к вентиляционной шахте. — Вы можете подняться? — спросил Толин. — Могу. — Тогда поднимайтесь. Но не показывайтесь в холле. Сначала я должен разобраться. — С кем? — С тем, кто украл ваше лицо. Толин помог Громову забраться в шахту. Тот начал подниматься. Медленно. Но уверенно. Толин остался в цоколе. Он думал. Настоящий Громов был здесь, связанный. Значит, тот, кто наверху — самозванец. Он занял место Громова после того, как связал настоящего. Ждал. Когда Толин приехал, он уже был в форме Громова. Уже знал всё. Уже готовился. Это был профессионал. Тот, кто мог подставить Толина десять лет назад. Толин выключил фонарик. Постоял в темноте. Три минуты. Потом полез в шахту. Наверху его ждал Громов. Настоящий. Бледный. Дрожащий. — Я не пойду в холл, — сказал он. — Вы правы. Сначала нужно понять, кто это. — Вы знаете, кто мог знать вашу биографию? Ваши манеры? Ваши привычки? Громов подумал. — Только свои. Мои люди. Или те, кто работал со мной раньше. — Вы служили? — Да. ГРУ. Восемь лет.

— Вместе с кем?— Со многими. Но один — он замолчал. — Один человек знал меня хорошо. Мы служили вместе пять лет. Потом он ушёл. В ФСБ.— Как его звали?— Горелов. Константин Горелов. Толин почувствовал, как земля уходит из-под ног.— Горелов мёртв, — сказал он. — Десять лет назад. В Казани.— Я знаю. Я был на похоронах. — Громов посмотрел на него. — Но это не значит, что он не может быть здесь. Толин смотрел на дверь, за которой был холл. За которой сидел человек в форме Громова. Человек, который знал всё о безопасности здания. Который знал, где лежат ключи. Который знал, как отключить камеры. Который знал Толина. Знал его привычки. Знал его слабые места. Знал, как подставить его десять лет назад. Человек, которого считали мёртвым. Толин открыл дверь. В холле было тихо. Люди сидели на своих местах. Громов — самозванец — стоял у стены. Смотрел на Толина. Их взгляды встретились. Толин увидел глаза. Холодные. Спокойные. Ждущие. Глаза человека, который знал, что игра только начинается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.